

Бондарев Ю. Батальоны просят огня // Бондарев Ю. Горячий снег. Батальоны просят огня М.: ИТРК. – 2004. С. 399-606.

С. 433. – Оборона вглубь на несколько километров. В несколько эшелонов. На флангах танки. Артиллерия. Это Восточный вал. Он закрывает путь к Днепру. Все офицеры и солдаты это знают. Приказ по армиям – ни шагу назад. За отступление – расстрел. Здесь люфтваффе. Они закончат здесь победоносную войну. Разобьют русские армии и перейдут в наступление. Днепр – это перелом войны. До Днепра немецкая армия отступала. Это был тактический ход. Сохранить силы... Причем здесь находятся и эсэсовские части. Они стреляют до последнего патрона. Потому что мы их не пощадим. Как, впрочем, не пощадим и немцев пленных. Мы им устроим телефон...

С. 441. – Капитан, что там за ерунда на станции приключилась?

– Начальника тыла под суд отдают, кажется.

– Виноватого найти легко, – сказал Бульбанюк. – Липтяев, поехали!

С. 494. – Говорил, наши драпают, – повторил Жорка и вскочил, дернул к себе автомат. – Куда ж они, славяне!..

В это же мгновение, опаленный внезапной злостью к этим убегающим куда-то людям, Ермаков прыжком перемахнул через бруствер, перекосив рот, бросился навстречу им со стиснутым пистолетом в потной руке, закричал бешено и неумолимо:

– Сто-ой! Наза-ад! Рас-стреляю первого! Наза-ад!

Жорка, бледный, с острым, отрешенным выражением лица, бежал в двух шагах за капитаном, щелкнув затвором немецкого автомата. Люди не останавливались. Ермаков видел дикие пустые глаза, жадно, широко открытый дыханием рот переднего солдата, вскинул руку.

– Сто-ой! – закричал он и выпустил две пули над головой переднего. – Куда драпаете, защитники Родины! Наза-ад! В траншею! Наза-ад!

С. 505. – Я тебе людей не рожу! Понял? Пришел, хреновину порешь с умным видом, а я будто не знаю! Каждого офицера, кто пискнет об отходе, расстреляю к ядерной фене! Куда отход? Куда? Дай тебе волю, до Сибири бы драпал! Не терпит кишка – уйди в дальний окоп, чтоб солдаты не видели, и застрелись. Но молча. Молча! Вот тебе совет! Двигай во взвод!

С. 545. И здесь Иверзев опять ощутил желание сказать командующему о том, что батальон Максимова, очевидно, в окружении, что неизвестно положение в батальоне Бульбанюка,

но и это уже, как он понимал, не имело решающего значения. Выслушав приказ, он сказал тихим голосом: «Слушаюсь», – и вышел решительно, твердыми шагами.

С. 576-577. – Простите, товарищ полковник, – сказал Ермаков, не в силах сдержать себя. – Вы надеетесь, что моя докладная воскресит батальон?..

Ермаков выговорил это и будто оглох от собственного голоса, доносившегося до него как из душного тумана, и, в ту секунду отчетливо понимая и чувствуя, что правда, которую он скажет сейчас, будет стоить ему очень дорого, он с неприязненной резкостью договорил, разделяя слова:

– А мы там... под Ново-Михайловкой думали не о пополнении и докладных... О дивизии, о вашей поддержке думали, товарищ полковник. А вы сухарь, и я не могу считать вас человеком и офицером!

С. 600. Леса кончились, и развернулась, кружась, обдавая вольным сырým ветром, ровная даль с лиловым туманцем в низинах, с далекими темными извивами Днепра, ставшего будто на ребро, а над ним еще не четко проступали, уходя к чуть порозовевшему небу, громоздкие очертания города. Это был Днепров. А за этим городом теперь двигались по шоссе на запад новые батальоны полковника Гуляева. Так сказали Ермакову час назад, и он спешил, и спешила грузовая машина, на которой ехал он к Днепру, обгоняя покрытые брезентами «катюши», вскачь мчавшиеся повозки, а по обочине споро шагали солдаты, подоткнув за ремень полы шинелей, – все торопились, тянулись к переправе, к возвышавшемуся на горе впереди городу.

С. 470. Ермаков вел орудия в растянутой колонне первой роты. Посреди Ново-Михайловки, на перекрестке дорог, рота задержалась, слышались невнятные голоса, и колонна стала обтекать что-то широкое, угольно-черное, Ермаков подъехал ближе. На перекрестке тяжело и прочно стоял немецкий танк, верхний люк был открыт, из него слабой полосой струился электрический свет. На броне борта опасно лежали четыре железные лепешки – мины. Двое солдат, взобравшись на танк, с интересом заглядывали в башенный люк, переговаривались:

– Как это он его оставил? Целехонький...

Один смело отодвинул ногой мину, выбил каблуками дробь, крикнул сверху:

– А ну, ребя, кто есть шофер? Садись! Там бутылок вагон и маленькая тележка! Легко воюют!

Было нечто лихое, бездумное в этом веселье, и засмеялась пехота, но тотчас кто-то, вздохнув, сказал: «Дуришь, Матвеев», – и тогда пожилой лейтенант-пехотинец решительно скомандовал:

– Все от танка!

С. 471. «Публичный дом, что ли, тут был?» – определил Ермаков и, встретив понимающий веселый взгляд Орлова, сел на ящик, который был распечатан: под разорванным целлофаном загадочно мерцало, тускло переливалось. Хмурясь, Борис достал оттуда новенький Железный крест, подбросил на ладони, подумал: «Был штаб или что-нибудь в этом роде», – поднял глаза и увидел в зеркалах брезгливое лицо Бульбанюка, читающего какие-то бумаги.

– Вот дармоеды! На русском языке пижут! – густо проговорил Бульбанюк и, вдвое сложив, крепкими пальцами порвал бумагу. – Все собрались?

С. 486. Вдруг, со свистом вынырнув из заката, низко над водой пронеслись два «мессершмитта», вонзаясь в лиловый воздух над лесами. Там застучали зенитные пулеметы и рассыпались в небе трассы. А Шуре было горько и нежно.

С. 598. Старшина со старательной деликатностью поманил пальцем невысокого пожилого немца в черном глянцеви́том плаще, без фуражки, с рыхлыми холеными щеками. И немец этот, чуть-чуть дрогнув узким ртом, властно отстранив передних пленных, вышел из толпы, с почтительной холодностью возвел на Иверзева выцветшие глаза, произнес краткую фразу, сделав прусский поклон одним подбородком.

– Что он сказал, Евгений Самейлович? – спросил Иверзев. – Вы, кажется, знаете немецкий?

Алексеев ответил:

– Я могу ошибиться, но что-то вроде того, что он уважает храбрость русских офицеров, которые получают раны в бою.

– Поза! Стоит им попасть в плен, как сразу встают в благородную позу! – презрительно выговорил Иверзев. – Расспросите его подробно. Кто он? И чем командовал? Что он думает об операции русских под Днепром, в Ново-Михайловке и Белохатке? Очень хотелось бы знать.

Алексеев начал задавать вопросы, а Иверзев видел, как после каждой ответной фразы у немца менялся цвет выцветших глаз, и по интонации голоса пленного, казалось, понял все, что отвечал тот.